

УДК 930.85

DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13

Н.У. Ярычев

Грозный

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
nasrudiny@mail.ru

ФЕНОМЕН СТИХИЙНОЙ КОММЕМОРАЦИИ: СУЩНОСТЬ, ТИПЫ, ФУНКЦИИ

Статья посвящена феномену стихийной (или «низовой») коммеморации, который на сегодняшний день и в российской, и в зарубежной исследовательских практиках изучен достаточно слабо. Субъектами стихийной коммеморации могут выступать отдельные личности («коммеморация локальной инициативы»), социальные группы («коммеморация коллективной инициативы») и недифференцируемый обобщенный субъект («коммеморация общесоциальной инициативы»). К значимым функциям коммеморации относятся: интеграционная, идентификационная, индикативная, регулятивная, экспрессивная.

Ключевые слова: прошлое, культурная память, мемориальная культура, коммеморация, стихийная коммеморация.

В статье «Трансформации нового режима времени» А. Ассман указывала на то, что «благополучие всякой культуры зависит от ее способности актами памяти и поминовения приносить свое прошлое в настоящее, причем не только чтобы приобрести необходимый опыт и ценное знание, получить образцовые модели и воспользоваться непреходящими достижениями, но и чтобы помнить о негативных событиях истории и не терять чувства ответственности перед ней. Без прошлого немислимы никакая идентичность, никакая ответственность, никакая ориентация» [1]. В данной цитате, хоть и без использования специального термина, речь идет о феномене коммеморации – об «актах памяти и поминовения», основная миссия которых сводится к сохранению, аккумуляции, поддержанию, трансляции социального опыта в пространстве актуальной культуры.

Прежде чем начать разговор о стихийных коммеморативных практиках, обозначим суть коммеморации как таковой.

В контексте нашего исследования коммеморация интерпретируется как совокупность коллективных, публично ориентированных, сценарно подкрепленных форм мемориализации прошлого, транслирующих ценностно-нормативное содержание той или иной культуры. Исходя из определения, сущностными признаками коммеморации являются:

– публичный характер, то есть открытый, демонстративный характер мемориальной активности; вовлечение в нее значительных по составу социальных групп акторов;

– коллективный характер, то есть отражение в коммеморативных актах ценностных установок социальной группы, а не отдельных лиц;

– сценарность, то есть наличие определенного сценария, алгоритма, последовательности действий, лежащих в основе коммеморативных практик;

– репрезентативность, то есть отражение в коммеморативных актах ценностно-нормативного содержания культуры общества и характерных для него представлений о прошлом.

Феномен коммеморации изучен достаточно хорошо, хотя не всегда и далеко не все исследователи используют непосредственно термин «коммеморация». Нередко он заменяется иными формально, но схожими по смыслу терминами – «вещественные репрезентации памяти» у М. Фуко [2], «памятные места и действия» у Л. Мильорати и Л. Мори [3], «риторика исторического изображения» у Й. Рюзена [4], «изобретенная традиция» у Э. Хобсбаума [5].

Так, например, изобретенная традиция Э. Хобсбаума – «это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [5, с. 48].

Специфическими чертами изобретенной традиции (по сути – коммеморации) являются:

1. Искусственный (сконструированный) характер.

2. Обращенность к прошлому как источнику опыта, истинности, авторитета: «Традиции, которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко – изобретенными... эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой» [5, с. 47–48]. Иногда ретроспективность коммемораций имеет театральные характер, выполняющий, однако, важную роль – внушать их участникам ощущение участия в проведенном временем действии, фактически в архаичном ритуале.

3. Цикличность и воспроизводимость, то есть ориентация коммеморации на повторяемость, привязанную к ежегодно отмечаемым памятным датам. Такое свойство коммеморации, по мысли Э. Хобсбаума, с одной стороны, приучает к ним аудиторию участников,

а с другой – создает ощущение стабильности и предсказуемости бытия.

4. Консервативность, то есть стремление к капсулированию прошлого в форме коммеморативного ритуала.

Таким образом, коммеморация как таковая (в том смысле этого слова, который отражен в приведенных выше определениях данного феномена) предстает инструментом реализации официальной политики памяти; совокупностью регламентированных, организованных, воспроизводимых, сценарно проработанных практик поминовения. В отличие от «обычной» коммеморации стихийная коммеморация не регламентируется властными или иными социальными институтами, являясь результатом «народного» волеизъявления.

Оговоримся, что в рамках данной статьи феномен стихийной коммеморации будет освещен нами главным образом на теоретическом уровне – определены его сущность, типы, функции. Вопрос бытования стихийных коммемораций в реальных социокультурных условиях чрезвычайно важен и объемный, а потому заслуживает специального рассмотрения.

В современной риторике *memory studies* наряду с понятием «стихийная коммеморация» в качестве синонима используется понятие «стихийная мемориализация», под которой понимается «практика создания спонтанных коллективных мемориалов» [4, с. 68]. На наш взгляд, феномен стихийной коммеморации содержательно и типологически является существенно более объемным и включающим в себя в том числе различные формы коллективной мемориальной активности, но не только их.

Типологически стихийные коммеморации могут быть представлены тремя крупными группами-типами, отличающимися по субъекту – инициатору коммеморативного действия:

1) «коммеморация локальной инициативы»: такие стихийные коммеморации возникают благодаря усилиям отдельной личности, по той или иной

причине заинтересованной в сохранении памяти о человеке, группе людей или событии (например, создание придорожных кенотафов на месте автокатастроф или создание аккаунта умершего человека на «виртуальном кладбище»);

2) «коммеморация коллективной инициативы»: такого рода коммеморативные практики создаются усилиями определенной группы, стремящейся к мемориализации человека или события (например, мемориал «Немцов мост» в Москве, созданный на месте убийства Б. Немцова);

3) «коммеморация общесоциальной инициативы»: в данном случае субъект стихийной коммеморации трудно выделить, им является «общество» в целом (как правило, такие коммеморации инициируются по случаю массовой трагедии, например, после пожара в пермском клубе «Хромая лошадь»).

П.Ж. Маргри и К. Санчез-Карретеро выделяют в качестве субъектов стихийных коммемораций «группы людей, воображаемые сообщества и отдельных личностей», которые «превращают скорбь в действие путем создания импровизированных и временных мемориалов с целью изменения или улучшения конкретной ситуации» [6, с. 2]. Мы не стали включать в перечень субъектов коммеморативного действия воображаемые сообщества, то есть разного рода сетевые образования, поскольку полагаем, что не они, а конкретные люди, стоящие за ними, выступают в роли инициаторов акта поминовения вне зависимости от того, где они дислоцируются, и с какой платформы исходит инициатива – реальной или виртуальной. Также, в отличие от П.Ж. Маргри и К. Санчез-Карретеро, мы полагаем, что, хотя стихийные коммеморации и подразумевают опредмечивание скорби в формате каких-либо материальных носителей, тем не менее в роли последних далеко не всегда выступают именно мемориалы.

В этом смысле стихийная коммеморация ближе к тому, что П. Нора назы-

вал местами памяти, понимая под ними «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [7, с. 79].

Дж. Сантино выделял два атрибута спонтанных коммемораций – мемориальность (стремление к поминовению, к сохранению памяти о какой-либо личности или событии) и перформативность (наличие в коммеморативном акте интенции к публичному высказыванию, к коммуникативному действию, адресованному государству, властям, жертвам, «просто людям») [8, с. 1].

Относительно второго, перформативного атрибута, А. Соколова отмечает (опираясь на результаты исследования стихийной мемориализации ярославского хоккейного клуба «Локомотив») следующее: «составив типологию российских спонтанных мемориалов, мы приходим к выводу, что российская традиция имеет специфические черты, существенно отличающие ее от западной... в российской традиции перформативное высказывание, которое вкладывается людьми в спонтанный мемориал, выражается не в содержании мемориала (в текстах и изображениях), как это происходит в Европе и США, а в самом факте создания мемориала. Чем более социально несправедливой кажется участникам практики смерть людей или реакция органов власти на произошедшую трагедию, тем более вероятно появление мемориала. Таким образом, в российской мемориальной традиции перформативная сторона спонтанной обрядности реализуется преимущественно не через вербальный или визуальный код, а через акциональный» [9, с. 70–71].

Что касается функций стихийной коммеморации, то они отчасти совпадают с функциями, выполняемыми «официальной» коммеморацией. Одной из них является функция интеграции, то есть обеспечение единства группы за счет участия ее членов в совмест-

ном мемориальном действии. По словам А. Мегилла, «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий... Коммеморация – это способ скрепления сообщества, сообщества коммемораторов» [10, с. 116]. Можно сказать, что коммеморативные практики обеспечивают групповую солидарность, формируют чувство сопричастности не только общему прошлому как поводу для коммеморативного акта, но и общим чувствам, переживаемым в процессе реализации данного акта.

Другой значимой функцией стихийных коммемораций является идентификационная функция, то есть формирование общих для участников мемориальной деятельности ценностей, норм, представлений о мире и самих себе. Р. Козеллек называл мемориалы «учреждениями идентичности оставшихся в живых» [11].

Э. Хобсбаум, о котором мы упоминали выше, сформулировал еще одну значимую функцию коммемораций (в его терминологии – изобретенных традиций) – индикативную: «Прежде всего, изобретенные традиции – существенные симптомы и индикаторы. Без них мы не заметили бы некоторые проблемы, не смогли бы установить и датировать некоторые изменения.

Они – свидетельства» [5, с. 59]. Эта функция реализуется в том компоненте коммемораций, который Дж. Сантино обозначил как перформативность.

Значимой представляется и регулятивная функция. В отличие от официальных коммемораций, в которых регуляция осуществляется в направлении от государства или иных властных сил к участникам мемориальной деятельности, в стихийных коммеморациях вектор регулятивного воздействия обратный – с помощью стихийных актов поминовения участники нередко адресуют собственный меседж (как правило, протестный) государству.

Также стоит отметить экспрессивную (или высвободительную) функцию стихийных коммемораций, которые во многом позволяют индивидуальному или социальному субъекту публично проявить чувства скорби, сожаления от утраты, визуализировать собственное стремление к сохранению памяти о значимом событии, человеке или группе.

В целом стихийные коммеморации играют не менее значимую социальную роль, чем официально организованные практики поминовения. Их изучение, которое и в российской, и в зарубежной исследовательской практике стремительно актуализируется в последние годы, позволит не только более глубоко осмыслить суть мемориальной культуры в том или иной обществе, но и оценить общие ценностные векторы его развития, определить уровень социальной напряженности, чуткости, солидарности.

Список литературы

1. Ассман А. Трансформации нового режима времени [Электронный ресурс] / пер. с англ. Вл. Кучерявкина; под ред. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 [116]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/4/transformaczii-novogo-rezhima-vremeni.html> (дата обращения: 06.10.2021).
2. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с фр.: В.П. Визгин, Н.С. Автономова. Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. 406 с.

3. Мильорати Л., Мори М. Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий / предисл. и пер. с англ. В.К. Коломийца // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 107-115.
4. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма и дискуссии о памяти) / пер. А.В. Антощенко // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 7. Москва: Альфа, 2001. С. 8-26.
5. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / пер. с англ. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.
6. Margry P.J., Sánchez-Carretero C. Rethinking Memorialization. The Concept of Grassroots Memorials // Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death. New York; Oxford: Berghahn, 2011. P. 1-48.
7. Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 333 с.
8. Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / ed. J. Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.
9. Соколова А. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 67-106.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология: науч. моногр. / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
11. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? [Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»] [Электронный ресурс] / пер. с нем. М. Мироновой // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html> [дата обращения: 02.10.2021].

Сведения об авторе:

Ярычев Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, проректор по учебной работе Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова

ул. Киевская, 40, Грозный, 364037
nasrudiny@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.11.2021

Одобрено: 20.03.2022

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования:

Ярычев Н.У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 13–19. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13

УДК 930.85

DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13

N.U. Yarychev

Grozny

Kadyrov Chechen State University
nasrudiny@mail.ru

THE PHENOMENON OF SPONTANEOUS COMMEMORATION: ITS ESSENCE, TYPES, AND FUNCTIONS

The paper deals with the phenomenon of spontaneous (or “grass-roots”) commemoration, which has been rather poorly studied in both Russian and foreign research practices. The subjects of spontaneous commemoration may be individuals (“local initiative commemoration”), social groups (“collective initiative commemoration”), and any undifferentiated generalised subjects

(“social initiative commemoration”). The important functions of the commemoration include integration and identification, as well as indicative, regulative, and expressive functions.

Keywords: the past, cultural memory, memorial culture, commemoration, spontaneous commemoration.

References

1. Assmann, A. (2012) [Transformations of the Modern Time Regime]. Transl. from English by Vl. Kucheryavkin (edited by A. Skidan). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4 (116). (In Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/4/transformaczii-novogo-rezhima-vremeni.html> (Accessed 06.10.2021).
2. Foucault, M. (1994) [Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines]. St. Petersburg: A-cad. (In Russian).
3. Migliorati, L., Mori L. (2014) [Fuori dall'ombra delle forme. Memoria della Resistenza e commemorazioni conflittuali]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches]. 1, 107-115. (In Russian).
4. Rüsen, J. (2001) [Lo(o)s(en)ing the Order of History: Some Aspects of Historical Studies at the Intersection of Modernity, Postmodernity and the Discussion on Memory]. Transl. from English by A.B. Antoshchenko. *Dialog so vremenem: al'manax intellektual'noj istorii* [The Dialogue with Time: an Almanac of Intellectual History]. Iss. 7. Moscow: Alpha, 8-26. (In Russian).
5. Hobsbawm, E. (2000) [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii* [Eurasia Bulletin]. 1, 47-62. (In Russian).
6. Margry, P.J., Sánchez-Carretero, C. (2011) Rethinking Memorialisation. The Concept of Grassroots Memorials. Grassroots Memorials. The Politics of Memorialising Traumatic Death. Ed. P.J. Margry. New York & Oxford: Berghahn. (In English).
7. Nora, P. (1999) [Les Lieux de Mémoire]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
8. Spontaneous Shrines and the Public Memorialisation of Death, ed. by J. Santino (2011). New York: Palgrave Macmillan. (In English).

9. Sokolova, A. (2014) Spontannaya memorializaciya v gorodskom landshafte: sluchaj yaroslavskogo «Lokomotiva» [Spontaneous Memorialisation in the Urban Landscape: the Case of Lokomotiv Hockey Club in Yaroslavl]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [The State, Religion and the Church in Russia and Abroad]. 1 (32), 67-106. (In Russian).
10. Megill, A. (2007) [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+, ROOI «Rehabilitation». (In Russian).
11. Koselleck, R. (2004) [Über die Verfügbarkeit der Geschichte. In: Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten]. *Otechestvennye zapiski* [Notes from the Fatherland]. 5. (In Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html> (Accessed 02.10.2021).

About the author:

Nasrudi U. Yarychev, Doctor of Philosophy, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of Russia's Academy of Education, Vice-Rector for Academic Affairs at Kadyrov Chechen State University of the Chechen Republic

40 Kievskaya Str., Grozny, 364037
nasrudiny@mail.ru